

20. РДГА. – Ф. 908. Воп. 1. Спр. 171. – 36 л.
21. Памятная книжка Витебской губернии на 1862 год. – Витебск : В Типографии губернского правления, 1862.
22. Памятная книжка Витебской губернии на 1864 год / под ред. А. М. Сементовского. – СПб. : В типографии К. Вульфа, 1864.
23. НГАБ. – Ф. 242. Воп. 1. Спр. 68. – 47 л.
24. Памятная книжка Минской губернии на 1864 год. – Минск : Губернская типография, 1864.
25. Памятная книжка Виленской губернии на 1862 год. – Вильна : В типографии А. Сыркина, 1862.
26. Памятная книжка Виленской губернии на 1864 год. – Вильна : В типографии А. Сыркина, 1864.
27. Памятная книжка Гродненской губернии на 1862 год. – Гродно : В Типографии Гродненского губернского правления, 1862.
28. Памятная книжка Гродненской губернии на 1864 год. – Гродно : В Типографии Гродненского губернского правления, 1864.
29. Памятная книжка Могилевской губернии на 1862 год. – Могилев, 1862.
30. Памятная книжка Могилевской губернии на 1864 год. – Могилев, 1864.
31. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 40 (1865). – № 41978.
32. НГАБ. – Ф. 242. Воп. 1. Спр. 423. – 49 л.
33. LVIA. – F. 380. Ap. 1. V. 380.
34. Памятная книжка Виленской губернии на 1867 год. – Вильно : В типографии А. Сыркина, 1867.
35. Памятная книжка Витебской губернии на 1867 год / под ред. А. М. Сементовского. – СПб. : В типографии К. Вульфа, 1867.
36. Памятная книжка Могилевской губернии на 1867 год. – Могилев : Типография Губернского правления, 1867.
37. РДГА. – Ф. 1291. Воп. 38, 1885 г. Спр. 20.
38. ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. 45 (1870). – Ч. 1. – № 48044.
39. РДГА. – Ф. 1291. Воп. 36, 1870 г. Спр. 167–23 л.
40. РДГА. – Ф. 1291. Воп. 36, 1870 г. Спр. 110–27 л.
41. НГАБ. – Ф. 242. Воп. 1. Спр. 1604.
42. РДГА. – Ф. 1149. Воп. 10, 1888 г. Спр. 41.
43. РДГА. – Ф. 1291. Воп. 38, 1878 г. Спр. 32–36 л.
44. НГАБ. – Ф. 242. Воп. 1. Спр. 629. – 277 л.
45. РДГА. – Ф. 1291. Воп. 66, 1866 г. Спр. 54–40 л.
46. Дружинин, Н. М. Русская деревня на переломе, 1861–1880 гг. / Н. М. Дружинин. – М. : Наука, 1978 – 287 с.

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ РУСИ

С. Н. Темушев,

кандидат исторических наук, доцент,

доцент кафедры истории России

Белорусского государственного университета

В своё время крупнейший советский историк В. Т. Пашуто однозначно утверждал: «Граница с Польшей – древнейшая среди русских границ» [13, с. 31]. Западная граница Руси включала территории, отличавшиеся по составу населения (включая этническую принадлежность), традициям общественно-политического развития и физико-географическим условиям, а именно: Перемышльскую, Белзскую, Червенскую, Берестейскую, Дорогичинскую земли, а также Ятвягию. На всем протяжении эти территории с конца X в. оказались сопредельными Польскому государству. Окончательно русско-польская межгосударственная граница определилась к середине XI в., когда киевский князь Ярослав Владимирович помог польскому князю Казимиру I Восстановителю покорить мазовшан (1047 г.) [14, с. 68] и, возможно, тогда же окончательно закрепил за собой Понёманье.

Обстоятельства формирования русско-польской границы представляют собой прекрасную иллюстрацию складывания государственной территории двух государств, обусловленное стремлением распространить данническую зависимость на как можно большую территорию.

Форпостом Руси в сторону Мазовии стал Дрогичин над Бугом. Специалисты относят начало «дрогичинского поселенческого комплекса» к X в., но нижний слой городища датируется XI веком. Ко времени первого упоминания в летописи Дрогичина – 1142 г. – город уже был довольно развитым древнерусским центром [21, с. 23]. О пограничном характере Дрогичина над Бугом свидетельствуют многочисленные находки свинцовых товарных пломб [2, с. 46]. При этом слабая заселенность окрестностей объясняет то обстоятельство, что

отдельной княжеской волости здесь не сложилось. Только со временем, когда колонизационные потоки с востока и юга привели к более плотному заселению территории Понёманья и Побужья, здесь появляются княжеские престолы (значит города становятся административными центрами, что для нас важно – центрами концентрации материальных ресурсов, или дани с окрестного населения). Так, на присутствие князя в Дрогичине в хронике Винцентия Кадлубка указывается только ближе к концу XII в. (1192/93) [18, с. 166; 1, с. 86].

Не сложился княжеский центр и в расположенном юго-восточнее Берестье. Но ситуация здесь оказалась более сложной. Скупые сведения летописей создают картину напряженной борьбы за территорию Берестейщины между Русью и Польшей. Изначально Берестье – древнерусское поселение, возникшее в последней, а возможно, и в третьей четверти X в. [10, с. 177]. Возникло Берестье в ходе колонизации территории Побужья со стороны волынян или дреговичей, но в любом случае – тех союзов племен, которые входили в орбиту влияния Киева. Весьма показательно, что первое упоминание Берестья связано с русско-польскими отношениями. Победенный в битве на р. Альте Святополк бежал к Берестью (1019 г.), безусловно, не потому, что в этом, якобы принадлежавшем Туровскому княжеству, городе он мог найти поддержку своих сторонников [10, с. 22] (такую поддержку он, скорее, нашел бы в самом Турове), а потому, что отсюда шла прямая дорога в Польшу – к его тестю Болеславу Храброму. Возможно, употребленное летописцем выражение о месте смерти Святополка «между Ляхы и Чехы» [14, с. 64; 9, стб. 145] имело и конкретное географическое указание. Можно также предположить, что в это время Брест уже был подчинен Польше (летопись указывает, что после изгнания поляков из русских городов в 1018 г. Болеслав «зая себе» «города червеньская» [14, с. 63; 9, стб. 144], вероятнее всего тогда же была подчинена Польше и Берестейщина). В таком случае совершенно логичным выглядит отмеченный летописью поход Ярослава на Берестье в 1022 г. [14, с. 64; 12, с. 180]. Нет оснований сомневаться, что в результате этой акции Берестье было возвращено под власть Киева. Но в историографии (в том числе в белорусской) [10, с. 23] довольно прочные позиции занимает мнение о возвращении Берестья под власть киевского князя только после женитьбы польского князя Казимира I Восстановителя – в 1041 или 1043 г. – на сестре князя Ярослава Доброгневе (Добронеге). У Яна Длугоша можно прочесть, что Казимир «многие крепости и области Руси, [которые] дед его Болеслав, первый король Польши, занял на Руси, победив и сокрушив Ярослава, и [которыми он] до того дня владел, он после заключения родства вернул Ярославу в знак истинного союза и настоящего родства» [19, с. 35; 16, с. 253]. Древнерусские же летописи сообщают только о возвращении пленных [14, с. 67; 9, стб. 153]. Доверять сообщению Яна Длугоша нет оснований. К началу 40-х гг. XI в. потерянные во время междоусобной борьбы 1015–1019 гг. земли Русь уже вернула. Этому способствовали ослабление Польши после смерти Болеслава Храброго и народное восстание 1037–1038 гг. Сохранились известия, что и позднее Польша пыталась утвердиться в Берестейщине. Так, в своем «Поучении» Владимир Мономах, вспоминая события 1073 г., отметил: «Тое же зимы тои посласта Берестию брата на головнѣ [пожарище], иде бяху ляхове пожгли, той ту блюдь городъ тихъ» [15, с. 464]. Как бы то ни было, древнее Берестье является наиболее точным маркером русско-польской границы.

Южнее располагался регион т.н. Червенских городов, позднее, вероятно, включавший Белзскую, Перемышльскую и Червенскую земли. Сложные этногенетические процессы и геополитическое положение региона обусловили довольно продолжительную борьбу за него соседних государств. Именно через этот регион шел прямой торговый путь на Краков и далее к Праге. После установления господства венгров в Паннонии этот маршрут приобрел ключевое значение для связей Руси с Центральной и Западной Европой [11, с. 108].

В историографии проблема западной границы Руси в конце X – первой половине XI в. часто небезосновательно сводится к вопросу о судьбе именно Червенских городов [7; 4]. В этой связи большое значение придается походу киевского князя Владимира Святославича «к ляхомъ», датированному в Повести временных лет 981 годом: «Иде Володимеръ к ляхомъ и зая грады их, Перемышль, Червень и ины грады, иже суть и до сего дне подъ Русью» [14, с. 38; 9, с. 81]. Содержание данного сообщения, безусловно, не соответствует историческим реалиям указанного времени (данные города в то время Польше не принадлежали) [17].

Представляется, что объяснение появлению данного ошибочного сообщения необходимо искать не в попытках переосмыслить его содержание или дать ему иную датировку, а на пути источниковедческой критики. Проблема видится не в искажении исторических реалий в летописной статье [5, с. 436, 549–550], а в общем характере древнерусского летописания. В условиях отсутствия развитой юридической традиции, когда важнейшие акты, связанные с утверждением господства над определенной территорией, письменно не фиксировались (это касается и межгосударственных, и междукняжеских отношений), именно летописи служили своеобразным документом, легализующим существующее положение. В большинстве случаев границы «Русской земли» складывались до составления летописи, конкретное содержание этого процесса было уже забыто, поэтому летописец описывал события по трафаретной схеме – через завоевание. Ко времени работы летописца сохранились смутные сведения о завоевании той или иной территории во времена Владимира или Ярослава, значит был поход. Между тем процесс присоединения определенной территории мог быть растянут во времени, к тому же подчинение предполагала целый

ряд мероприятий по утверждению власти Киева, включая, например, строительство новых укрепленных центров. Следует также учитывать, что на описание отдаленных по времени событий накладывались реалии, близкие ко времени летописца. Так оказалось, что Червенские города с самого начала были отвоеваны у Польши, поскольку позднее (1030/1031 гг.) за них снова пришлось воевать именно с Польшей. Напомним, что согласно летописному сообщению, подтверждаемому польскими источниками [19, s. 357], Болеслав в 1018 г. «города червеньскыя зая себе» [14, с. 63; 9, стб. 144], затем в 1030 г. Ярослав взял Белз, а в 1031 г. «заяста грады червеньскыя опять» [14, с. 65; 9, стб. 149–150].

Поэтому представляется необходимым связать первое летописное сообщение об отвоевании у «ляхов» городов Перемышль, Червен и «иных» в 981 г. со статьями 1018 и 1031 гг. (на что указывал в своё время еще А. А. Шахматов) [3, с. 11], в которых присутствует упоминание Червенских городов, а также с целым рядом других сообщений, аналогичным образом описывающих расширение территории государства (например, статьи 883, 884, 885 гг. о наложении дани князем Олегом на соседние с киевскими полянами племена). Во всех случаях летописец, создававший свой текст по прошествии значительного времени, пытался в рамках своего понимания дать объяснение современным ему явлениям. Одним из таких явлений было формирование государственной территории и, в частности, подчинение территории Червенских городов Киеву. Летописец знал о временном подчинении юго-западной окраины Руси Польше (в 1018–1031 гг.) и предположил, что в свое время эта территория была отвоевана именно у Польши в результате походов киевского князя.

Самого похода Владимира 981 г. могло и не быть [6], так же как не сводилось к одноразовой акции киевского князя Олега подчинение союзов племен древлян, северян и радимичей (в конце IX в.). По своей сути формирование государственной территории в эпоху Средневековья представляло собой, в первую очередь, установление трибутарной зависимости местного населения, вслед за чем устанавливались и другие формы присутствия центральной власти на местах (распространение общего законодательства и права вершить суд, появление представителей государственной администрации и т.д.). Это требовало проведения целого ряда мероприятий, включая строительство пунктов для сбора дани (погостов), затем укрепленных мест постоянного пребывания княжеской администрации («градов»). Такими местами могли становиться и прежние племенные центры, но чаще всего центральная власть создавала новые. Так, к числу племенных центров в рассматриваемом регионе относят Луческ и Бужеск, а также древнюю Волынь [8, с. 141–142]. К числу же новых укреплений, которые стали противовесом старым племенным центрам, относились Владимир Волынский и, вероятно, Червен, давший название целому региону.

В стремлении расширить число подданных на западе формирующейся «Русской земли» киевские князья сталкивались с интересами соседних государств: прежде всего Польши, а также Чехии и Венгрии. Необходимо учитывать и «степной» фактор. Как раз у истоков Западного Буга на запад к верхнему течению Днестра и Карпатам польское и древнерусское население сталкивалось со степными кочевными народами (в рассматриваемое время – с печенегами), обрывавшими польско-русское пограничье [20, s. 241]. Во многом трансформации русско-польской границы были связаны с участием Руси в сложных международных отношениях, активным участником которых было Германское королевство, а также Дании и Швеция [11, с. 498].

Итак, важнейшая задача формирующейся государственной власти заключалась в поиске ресурсов для реализации различных направлений внутренней и внешней политики. По сути, именно к этому сводился процесс «окняжения», или, пользуясь летописной терминологией, «установления» земли, то есть формирования государственной территории. В одном ряду необходимо рассматривать зафиксированные летописью данные о походах киевских князей на древлян, вятичей, хорватов, ятвягов, чудь и Червенские «грады». Причина завоеваний соседних территорий заключалась в необходимости поиска дополнительных материальных ресурсов для функционирования государства, речь шла не о спорадической, а именно о регулярной дани [3, с. 6–7].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Викентий Кадлубек. Польская хроника // Щавелева, Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий / Н. И. Щавелева – М. : Наука, 1990. – С. 76–140.
2. Войтович, Л. Кордони Галицько-Волинської держави: продовження дискусії / Л. Войтович // Археологічні дослідження Львівського університету. – 2015. – Вип. 19. – С. 43–104.
3. Головко, А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой половины XIII в. / А. Б. Головко. – Киев : Наукова думка, 1988. – 135 с.
4. Головко, А. Б. К вопросу о роли «Червенских градов» в истории восточного и западного славянства в IX – первой трети XI в. / А. Б. Головко // Древнерусское государство и славяне. – Минск, 1983. – С. 107–109.
5. Грушевський, М. Історія України-Руси / М. Грушевський. – Львів, 1904. – Т. I. До початку XI віка. – 648 с.

6. Діба, Ю. Неіснуючы похід 981 р. князя Володимира на ляхів / Ю. Діба, І. Мицько // Старый Луцк. – 2015. – Вип. XI. – С. 27–44.
7. Исаевич, Я. Д. «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и балканскими славянами / Я. Д. Исаевич // Исследования по истории славянских и балканских народов. – М., 1972. – С. 107–124.
8. Кучинко, М. М. Археологія Волині. – Луцьк : Волинська обласна друкарня, 2005. – 202 с.
9. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. I. – 2-е изд. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 496 с.
10. Лысенко, П. Ф. Открытие Берестья / П. Ф. Лысенко. – 2-е изд., доп. – Минск : Бел. навука, 2007. – 181 с.
11. Назаренко, А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. / А. В. Назаренко. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 784 с.
12. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 568 с.
13. Пашуто, В. Т. Внешняя политика Древней Руси / В. Т. Пашуто. – М. : Наука, 1968. – 472 с.
14. Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб. : Наука, 1996. – 668 с.
15. Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 1 (XI–XII века). – СПб. : Наука, 2000. – С. 456–475.
16. Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша : Текст, перевод, комментарий. – М. : Памятники исторической мысли, 2004. – 495 с.
17. Юсупович, А. Чи ходив Володимир Великий на/до ляхів? (Польско-руські відносини наприкінці X – на початку XI ст.) / А. Юсупович // Український історичний журнал. – 2015. – № 5. – С. 44–48.
18. Mistrza Wincentego zwanego Kadłubkiem Kronika Polska / Wydał, wstępem i przypisami opatrzył M. Plezia // Monumenta poloniae historica. Nova series. – Т. XI. – Kraków, 1994. – 212 s.
19. Jana Długosza Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa polskiego. – Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2009. – Ks. 3–4. – 448 s.
20. Kuczyński, S. Wchodnia granica Państwa Polskiego w X wieku (przed rokiem 980) / S. Kuczyński // Początki Państwa Polskiego. – Poznań, 1962. – Т. I. – S. 233–251.
21. Musianowicz, K. Drohiczyn od VI do XIII wieku / K. Musianowicz. – Białystok : Muzeum Okręgowe w Białymstoku, 1982. – 102 s.

ІДЭЙНА-ПРАГРАМНЫЯ ЎСТАНОЎКІ КРАЯЗНАЎЧАГА РУХУ НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў МІЖВАЕННЫ ПЕРЫЯД

І. У. Цітовіч,

кандыдат гістарычных навук,

праэрктар па навукова-метадычнай рабоце

Дзяржаўнай установы адукацыі “Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы”

На пачатку 1920-х гг. польскія кіруючыя колы не мелі яшчэ дакладна сфармуляванай і распрацаванай праграмы агульнапольскага краязнаўчага руху, які здолеў бы ўключыць у працэс свайго разгортвання большасць няпольскага насельніцтва, не выклікаючы ў іх негатыўных адносін да паланізацыйнай дзейнасці. Працэс пошуку польскімі ўладамі і навукоўцамі новай тэарэтычнай базы для пашырэння краязнаўства на тэрыторыі Заходняй Беларусі завяршыўся выкарыстаннем асобных пастулатаў канцэпцыі “краёвасці”, а з 1926 г. – ідэалогіі рэгіяналізму, пэўныя прынцыпы якога былі запазычаны з французскага рэгіянальнага руху.

Пасля Рыжскага міру 1921 г. краёвасць істотна трансфармавалася ў напрамку “крэсавасці” і яе асноўныя пастулаты пачалі часткова выкарыстоўвацца кіруючымі коламі Польшчы як сродак для змяншэння пратэстаў беларускага насельніцтва супраць палітыкі паланізацыі. Палітыка ўлад II Рэчы Паспалітай у адносінах да Заходняй Беларусі была скіравана на аб’яднанне вакол Вільні творчых і інтэлектуальных сіл краю і стварэння з асобных нацыянальна-культурных адзінак былога ВКЛ сінтэзу краёвай культуры [1, с. 3]. Зразумела, што замест захавання характэрных рысаў полінацыянальнага заходнебеларускага грамадства для польскага кіраўніцтва было жаданым з’яўленне новай краёвай культуры з уласна прапольскімі рысамі (у гэтым выпадку краёвасць падмянялася крэсавасцю). З мэтай рэалізацыі гэтага плана, дзяржаўныя ўлады пачалі ствараць на ўсходніх тэрыторыях II Рэчы Паспалітай значную колькасць навукова-даследчых і культурных аб’яднанняў краязнаўчага профілю, уцягваючы ў іх дзейнасць і краёўцаў. Існаванне на тэрыторыі Заходняй Беларусі прагрэсіўных і дынамічна развіваючыхся краёвых арганізацый краязнаўчага кірунку выклікала ў польскім грамадстве дыскусію аб магчымым дэструкцыйным уплыве рэгіянальнай культуры паўночна-ўсходніх зямель II Рэчы Паспалітай на